

К. А. Кочегаров
РАНХиГС, Москва, Россия. kirill-kochegarow@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9877-7381

**ПРЕТЕНЗИИ ЦАРЕЙ ИЗ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ
НА ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДИЕ
И РУССКО-КРЫМСКО-ОСМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ХОДЕ БОРЬБЫ ЗА УКРАИНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.**

Во второй половине 1650-х – конце 1670-х гг. В дипломатических дискуссиях с представителями Крымского ханства и Османской империи представители России нередко подчеркивали, что Украина / Малая Россия – древняя царская отчина. Возникновение указанных тезисов в официальных русско-крымско-османских дипломатических контактах несомненно связано с идеями о преемственности Романовых как наследников Рюриковичей в отношении всех западнорусских земель. Эти идеи вынашивались не только в Москве, но и были восприняты киевским духовенством, а позднее и светской, гетманской властью Украины.

Ключевые слова: Россия, Крымское ханство, русско-крымские отношения, Украина / Малая Россия, Древняя Русь

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

*Великому государю, его царскому величеству,
того учинить невозможно, чтобы за казаков не стоять,
потому, что то искони отчина предков его царского величества.*

Из наказа русским посланникам в Крымское ханство

Переяславская рада и вхождение Украины в состав России в 1654 г. явились важным этапом масштабного международного кризиса, охватившего Восточную Европу в середине XVII в., итогом которого стали достаточно существенные изменения границ и баланса сил в отношениях ведущих держав региона. Крымское ханство, хотя и не обладавшее полным суверенитетом и признававшее верховную власть Османской империи, было активным участником развернувшихся событий. С началом восстания Богдана Хмельницкого именно Крым стал главным союзником восставших казаков. Это в определенной мере повлияло как на первые огушительные победы казачьих войск, так и на их последующие соглашения с польско-литовскими властями, в которых Бахчисарай играл активную посредническую роль.

Принятие казацкой Украиной русского подданства вызвало смену политической ориентации Крымского ханства. Прекратив поддержку Чигирина, оно стало главным союзником Речи Посполитой, не признавшей решения Переяславской рады и вступившей с Россией в длительное военное противостояние (1654–1667 гг.). При этом к началу 1660-х гг. ханы явно обозначили и собственные политические амбиции в отношении казачьих земель, пытаясь играть роль третьей силы в длившемся конфликте (см. подробнее: [Wójcik]). С конца 1660-х гг. все более активную роль в борьбе за Украину начинает играть и верховный сюзерен Крыма – Османская империя, которая признала своим подданным правобережного гетмана П. Дорошенко. В 1672 г. фактически началась открытая фаза русско-крымско-османского конфликта, главной целью которой была Правобережная Украина (см. подробнее: [Яфарова]).

Указанные факторы обусловили достаточно важное значение, которое придавалось вопросу обоснования исторических прав на обладание землями казацкой Украины в ходе дипломатических контактов Москвы с Крымским ханством и Османской империей. Этот тезис

базировался на идее исторических прав правителей Московского государства на земли всей Древней Руси, сформировавшейся в Москве в XVI в., в эпоху последних Рюриковичей (см., например: [Усачев, с. 78–83]). В 1620–1640-е гг. указанная идея была воспринята киевским духовенством, получив обоснование в исходивших из этой среды ряде полемических и исторических сочинений. При этом новая династия Романовых, пришедшая на смену Рюриковичам, признавалась их законной наследницей, о чем недвусмысленно заявлялось в грамотах, адресованных представителями киевского духовенства в Москву (см. подробнее: [Флоря, с. 102–108, 294–295, 303–305]).

Во времена восстания Богдана Хмельницкого идея законности прав Романовых на все восточнославянские земли стала общей идеологемой Москвы и Чигирина (резиденция казачьего гетмана). В 1649 г. Богдан Хмельницкий заявил царскому посланнику Григорию Унковскому, что «мы царского величества милости ищем и желаем потому, что от Владимирова святого крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством и имели едину власть. А отлучили нас неправдами своими и насилием лукавые ляхи» [Воссоединение, т. 2, с. 152]. В своей речи на Переяславской раде 1654 г. русский представитель, боярин В. В. Бутурлин, подчеркивал, что царь Алексей Михайлович желает «сию землю, скипетр благоверного государя нашего, его царского величества, яко ж во времена благоверного царя Владимира и прочих его наследников бысть тако, и ныне чрез ваше тщание соединити» [Воссоединение, т. 3, с. 467].

Проблема исторических прав Романовых на земли Древней Руси, а следовательно, и Украины систематически возникала в русско-крымско-османских переговорах. Более того, использование подобных исторических аргументов претерпевало определенную эволюцию в течение 1650-х – начала 1680-х гг. Ранее в историографии отмечалось, что в инструкциях русским посланникам, подготовленных для возможных переговоров с османской стороной в 1677–1678 гг., присутствовали достаточно развернутые обоснования исторических претензий русских царей на земли Малой России [Смирнов, с. 143, 149, 163; Яфарова, с. 225–226, 422–423]. Однако аналогичный материал, касавшийся переговоров с Крымским ханством, не подвергался в связи с этим анализу и осмыслению и в научный оборот практически не вводился. В данной статье такая попытка будет предпринята в контексте формирования и развития в Москве и Киеве общей идеи исторических прав Романовых на земли всей Древней Руси.

После событий Переяславской рады 1654 г. в Крым были посланы одно за другим два посольства, которые добивались признания ханом перехода Украины в подданство русского царя и союза с ним либо нейтралитета в войне против Речи Посполитой. В июне 1654 г. умер хан Ислам-Гирей, и к задачам посланников добавилась еще одна: получение шертной грамоты от нового хана, Мехмед-Гирея. Осенью 1654 г., когда русские посланники Сидор Ладыженский и Алексей Огарков вели с ханскими представителями переговоры, в том числе по украинскому вопросу, они убеждали крымцев, что им нечего досадовать на подданство днепровских казаков русскому царю, поскольку они «люди вольные», ранее жили «особо», были в подданстве у турецкого султана, «литовского» короля, крымского хана. При этом московские дипломаты подчеркивали, что царское подданство Войско Запорожское приняло из-за общей с русским государством христианской веры, которая от преследований в Речи Посполитой «поиссякла». Они требовали, чтобы в шертной грамоте были упомянуты новые добавления в царский титул: «Малыя и Белья Руси», однако получили отказ [Новосельский, с. 18–25; Санин, с. 88–90]. Спор о титуле продолжился и в следующем году. Новый московский посланник в Крыму, Дмитрий Жеребцов, в 1655 г. обосновывал новое титулование царя Алексея Михайловича тем, что «ныне ему, великому государю, Бог поручил и сверх того Великое княжество Литовское все

и Корунны Польские многие города. А Малая и Белая Русь, и Волынь, и Подолия, все за ним, великим государем». При этом Жеребцов ошибочно указывал на то, что подобным образом якобы титуловался царь Иван Васильевич. Крымцев этот аргумент не убедил, они считали, что если в грамотах Ивана IV «так и писали, и то де уже давнело, а ныне тому быть непристойно». Более того, они выдвинули собственные исторические аргументы, заявив, что днепровские казаки «с восемьсот лет были в подданстве у польских королей, а после того у них (у крымцев) были в подданстве лет с семь» [Новосельский, с. 25–26; Санин, с. 94–97, 99].

Таким образом, первоначально русская дипломатия не использовала идеологему восстановления былого единства Древней Руси под скипетром царей из династии Романовых, а аргументировала право московского самодержца на западнорусские земли скорее божественной волей и конфессиональным единством. Обращение к истории касалось не древнерусского периода, а событий XVI в., и подобные аргументы были с легкостью парированы крымскими представителями.

В том же 1655 г., после отступления московских и казацких войск от Львова и трехдневной битвы с ханским войском под Озерной 8–10 октября, состоялись переговоры между русско-украинской и крымской сторонами. Участвовавший в них казацкий представитель генеральный судья Самойло Богданов среди прочего заявил крымцам, что «Киев де и иные города царскому величеству отдали они (казаки царю. – К. К.) для того, что те города предков их государских великих благочестивых царей российских»¹. Это было первое, пусть и краткое, изречение об исконности претензий Романовых как наследников Рюриковичей на их отчину, то есть на земли бывшей Древней Руси, высказанное в адрес Крымского ханства участником русской делегации, представлявшим автономную казацкую Украину.

В 1662–1665 гг. Россия не имела дипломатических отношений с Крымом, дипломатию сменила военная конфронтация [Новосельский, с. 43]. В декабре 1666 г. в Москву приехал для переговоров о мире крымский гонец Мамет-мурза. В ходе переговоров с ним дьяк Алмаз Иванов на заявление гонца, что правобережные города Киев и Канев крымцы считают владением польского короля, резко заявил, что они «искони вечные» государевы», что это царская вотчина [Новосельский, с. 84–85]. Таким образом, озвученная С. Богдановым аргументация также стала использоваться московской дипломатией в переговорах с Крымом.

В отношениях с османской стороной в 1660-е – начале 1670-х гг. исторические претензии русского царя на Малую Россию не фигурировали по причине ее слабой вовлеченности в борьбу за украинские земли. В частности, ни в наказе В. Даудову, отправленному к султану с требованием прекратить войну против Речи Посполитой в 1672 г., ни во врученной ему грамоте об этом ничего не говорилось [Яфарова, с. 40–43]². Ситуация изменилась в ходе начала активных дипломатических контактов России с Крымом и Турцией, которые состоялись на завершающем этапе длительной русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Это время стало наиболее репрезентативным с точки зрения обращения русской стороны к историческим аргументам, связанным с древнерусским прошлым. Первоначально это проявилось в контактах с османской стороной.

В конце 1677 г. в Москве началась подготовка к отправке в Османскую империю стольника Афанасия Поросукова. Его основной задачей было вручение царской грамоты; в случае

¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, г. Москва). Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). Д. 382. Л. 324. Ср.: [Санин, с. 107–108].

² Наказ В. Даудову предписывал ни в какие переговоры не вступать, а лишь вручить привезенные грамоты (РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией – коллекция) из фондов Боярской думы, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. Кн. 13. Л. 16).

если бы визирь начал «ево спрашивать, от царского величества сверх грамоты о каких делах ко государю его к Магмет салтанову величеству объявить наказано ль», дипломату следовало отвечать: «словесно с ним ни о чем сверх грамоты не наказано»³. Тем не менее, в отличие от посольства Даудова 1672 г., в этот раз первоначально было принято решение, во-первых, заявить о царских правах на Украину в грамоте султану, а во-вторых, дать инструкции стольнику на случай, если ему все же придется вступить в переговоры на эту тему. 2 декабря 1677 г. Боярская дума, утверждая наказ, приговорила: «Да Афанасью ж в наказ написать о принятии Дорошенка и о Украине отговариватца против того, как было написано в государеве грамоте к турецкому салтану». В черновик наказа первоначально была включена аналогичная рекомендация («чинить отговор против того, как написано в государеве грамоте к салтану»), но затем ее вычеркнули, так же как и следовавшее за ней вообще все обоснование исторических прав русских царей на Украину (осталась лишь фраза о подданстве Б. Хмельницкого). Однако в беловике наказа (в так называемых «статьях в запас») указанный исторический экскурс вновь появляется⁴, но уже без ссылки на послание царя султану: «из древних лет Украина, которая зовется Малою Росиею, пребывала под державою благочестивых государей, царей и великих князей российских и киевских, предков его царского величества, и не в которое время от подданства предков ево государевых поотлучилась, и в прошлом во 162-м году Войска Запорожского гетман Богдан Хмельницкой учинился в подданстве блаженные памяти у великого государя, у его царского величества (Алексея Михайловича. – К. К.), а ныне потому в подданстве у сына ево государева, у великого государя, у его царского величества (Федора Алексеевича. – К. К.)». Правобережный гетман П. Дорошенко в связи с этим трактовался как изменник царю, которого турецкой стороне, памятуя о прежних дружественных отношениях с царями, принимать не следовало. В царской же грамоте султану, датированной 6 декабря, какие-то сентенции на этот счет отсутствуют, при этом подобный текст не фигурирует даже в утвержденном думой 2 декабря ее черновом тексте с правками. Возможно, дума обсуждала вопрос о включении в грамоту султану пассажа о правах на Украину, но сделано это не было⁵. Данная редакционная работа отражает колебания российского правительства и даже, возможно, дискуссии на заседании 2 декабря. Сначала текст об исторических правах царя на Малую Россию было решено включить в грамоту султана и в наказ, затем, словно решив понизить остроту претензий, исключить ото всюду, но в итоге его все же оставили в наказе, приняв половинчатое решение.

Текст о правах царя на Малую Россию практически дословно был повторен в инструкции, подготовленной в апреле 1678 г. в Москве, с небольшим добавлением: «А у турецких салтанов никогда Малая Росия в подданства не бывала»⁶. Указанную инструкцию главнокомандующий русской армией на Украине князь Г. Г. Ромодановский должен был использовать в случае, если бы с великим визирем, двигавшимся во главе османской армии на Чигирин, удалось завязать переговоры. Наконец в декабре 1678 г. в Порту был снаряжен новый посланник, В. Даудов. Как и в 1672 г., наказом ему предписывалось не вступать в переговоры⁷, однако теперь в Москве решились сделать то, от чего отказались годом ранее. От имени царя в грамоте султану прямо заявлялось, что «мы, великий государь, наше царское величество, тою Украинаю, которая зоветца Малою Росиею, владеем для того, что из древних лет пребывала та Украина под держа-

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 46 об.–47.

⁴ в черновике напротив вычеркнутого текста стоит помета «чисто», видимо, свидетельствующая о его восстановлении в беловике.

⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 22, 52–57, 86–102 об.; Кн. 15 Л. 23 об.–24, 25 об.–33, 50, 55 об.–56. Ср.: [Смирнов, с. 143; Яфарова, с. 225–226].

⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 290 об.–291. Ср.: [Смирнов, с. 149].

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 55 об.–56.

вою благочестивых государей, царей и великих князей российских и киевских, предков нашего царского величества, и на некоторое время от подданства предков нашего царского величества поотлучилась, и в прошлом во 162-м году Войска Запорожского гетман Богдан Хмельницкой с Малою Росиею учинился в подданстве у отца нашего государева, у блаженные памяти у великого государя, у его царского величества и служил верно, а после того и ныне Малая Росия у нас, великого государя, у нашего царского величества потому ж в подданстве»⁸.

Все вышеупомянутые декларации Москвы, впрочем, либо не были озвучены османской стороне, либо не удостоились со стороны Порты сколь-нибудь значительной реакции. А. Поросукон никаких подобных заявлений в ходе пребывания в Турции не сделал⁹, а переговоры Ромодановского с двигавшимися на Чигирин османами не состоялись [Яфарова, с. 271–278]. В. Даудов ответной султанской грамоты не получил, ему было вручено лишь послание на имя царя Федора Алексеевича от имени великого визиря Кара-Мустафы-паши. В нем османская сторона отреагировала на исторические претензии Москвы в отношении Малой России весьма лапидарно: «...об украинских казаках, своими называя, о том тяжбы и спору не было, всякая страна свою границу знает» [Яфарова, с. 427; цитата дана по этому изданию]. Тем самым Порта заявила о нежелании вступать в дискуссию об исторических правах на Украину, предлагая Москве либо признать Правобережье за султаном, либо решать вопрос о границах на поле боя: «аще ли желание ваше о миру есть, медлить не подобает, для того, егда многочисленны войска в рубежах в собрании будут, и тогда день ото дни дела открываютца и вместо малого огня разпалитца больше»¹⁰.

Однако идеологическая работа по подготовке исторического обоснования прав русского царя на Малую Россию не оказалась напрасной, поскольку оно теперь не только уже было озвучено крымской стороне, но и вызвало ответную реакцию ханской дипломатии. Отчасти эту дискуссию спровоцировали сами крымцы, определяя Украину как землю, населенную бунтовским и непостоянным народом, который недостоин царской поддержки. В грамоте хана Мурад-Гирея царю Федору Алексеевичу, доставленной гонцом Садык Челибеем в Москву в середине марта 1679 г., указывалось: «А на Украине земля казацкая, где живут днепровские казаки юртом, и отец ваш, так ж и вы ныне пожелали и непристойно за них вступаетесь»¹¹. «А Украина, что барабаши и днепрские казаки, государь ваш напрасно за тех бунтовых народов заступает», – вторил хану ханский визирь Ахмед-ага в своем послании главе Посольского приказа думному дьяку Лариону Иванову, доставленном тем же гонцом¹². Сам Садык Челибей 15 марта 1679 г. на переговорах с Л. Ивановым подчеркивал непостоянство «черкас», покинувших войско В. Б. Шереметева в 1660 г. под Чудновым, в результате чего оно вынуждено было капитулировать перед крымско-польской армией. «И ныне де те черкасы служат тому, а завтра другому», – говорил он¹³.

Спустя месяц, 17 апреля, в Москву прибыл еще один крымский гонец – Асан-ага. Он доставил письмо хана Мурад-Гирея князю К. М. Черкасскому, выступившему посредником в начале русско-крымских переговоров, а также послание Ахмеда-аги – «наместнику белого царя», которое в Москве интерпретировали как предназначенное Л. Иванову. В этих текстах

⁸ Там же. Л. 33 об.–34. Ср.: [Смирнов, с. 163; Яфарова, с. 422–423].

⁹ См. его статейный список в период нахождения в Константинополе (с 5 марта по 9 апреля 1678 г.): РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 45 об.–109. В ходе аудиенции у визиря 24 марта А. Поросукон заявил, что послан лишь для передачи грамоты, «а словесно с ним сверх грамоты говорить не наказано» (Там же. Л. 58 об.–59 об.). О посольстве А. Поросукон см.: [Яфарова, с. 222–233].

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 243.

¹¹ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии). Оп. 1. 1679 г. Д. 5. Л. 29.

¹² Там же. Л. 39.

¹³ Там же. Л. 24.

хан сообщал, что турецкий султан готов заключить мир с категорическим условием: «если московский король и белой князь от казаков и от Киева отоймет свою руку»¹⁴. В ответном письме крымскому визирю Л. Иванов проигнорировал крымско-османское требование, лишь сообщив о приеме Садык Челибея и Асана-аги и проинформировав Ахмеда-агу о скорой высылке в Крым русских посланников для мирных переговоров¹⁵.

Однозначные требования крымской дипломатии отказаться от Киева и Украины, как не имеющих к России никакого отношения, подчеркивание ханом и его представителями непостоянства украинских казаков и их склонности к изменам оказались вызовом для русской дипломатии, требовавшим осмысления и соответствующей реакции на основе тех текстов, которые фигурировали в наказах дипломатам для переговоров с османской стороной. Она проявилась в наказе, который как раз в апреле 1679 г. готовился в Посольском приказе для отправлявшихся в Крым посланников – стольника Бориса Пазухина и дьяка Герасима Долгово. В нем, на случай если крымская сторона будет требовать, чтобы Москва «не вступалась» за днепровских казаков, содержался следующий возможный ответ: «И то дело нестаточное, и говорить им (то есть крымским дипломатам. – К. К.) о том мимо всякой правды стыдно, потому что из древних лет Украина, которая зовется Малою Росиею, пребывала под державою благочестивых христианских государей, царей и великих князей российских и киевских, предков его царского величества, и в некоторое время от подданства предков ево государевых поотлучилась. И в прошлом во 162-м году Войска Запорожского гетман Богдан Хмельницкой учинился в подданстве у отца ево государева, блаженные памяти у великого государя, у его царского величества, а ныне потому ж в подданстве у сына ево государева, у великого государя, у его царского величества»¹⁶.

В случае если бы крымцы от имени султана потребовали передачи Киева, на этот счет в черновике наказа содержалась следующая ремарка: «А о Киеве отказать и говорить так ж, как и об Украине говорить велено». Однако в белой текст наказа это указание не попало¹⁷.

Похожие идеи развивались и в той части наказа, где русские посланники должны были отреагировать на возможные упреки в отказе России сдать Чигирин по требованию султанского двора, высказанные турецкой стороной в ответе на царскую грамоту, направленную султану с гонцом А. Поросукowym: «великому государю, его царскому величеству, того учинить невозможно, чтобы за казаков не стоять, потому что, то изкони отчина предков ево царского величества, а у турских салтанов в подданстве никогда не бывала, и вступаетца в тое Украину салтаново величество мимо всякой правды»¹⁸.

Какова была граница этой «исконной отчины» в данном конкретном случае? Об этом говорилось далее, где речь шла о возможных территориальных приобретениях России по мирному договору: «пристойно быть рубежу так, как изстари бывало, по реку Днестр, и как казацкие поселения исконно были и стоят». Сами указания на «старину» границ, которые никогда не были границами Московского государства, могли отсылать ко временам, когда указанные земли находились во власти Рюриковичей, так же как и к моменту появления казачества в указанном регионе. Впрочем, далее, в случае упорства крымских представителей, московские дипломаты должны были уступить земли до Южного Буга, и вновь со ссылкой, что там «изстари» бывали казацкие «поселения»¹⁹.

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Д. 7. Л. 7, 12.

¹⁵ Там же. Л. 50–54.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Д. 6. Л. 87–88.

¹⁷ Там же. Л. 107.

¹⁸ Там же. Л. 91–93.

¹⁹ Там же. Л. 105.

Однако посольству Пазухина и Долгово, отправившемуся из Москвы в конце апреля 1679 г., не суждено было посостязаться с крымскими партнерами в искусстве исторической аргументации. По пути оно было разгромлено «воровскими» казаками, а оба посланника убиты (см. подробнее: [Веселовский]).

Следующими в сентябре 1679 г. в Крым двинулись дворянин Иван Сухотин и дьяк Василий Михайлов. В их наказе и дополнении к нему («тайной указ») повторялись процитированные выше тексты об Украине и Киеве, а также о «старине» границ по Днестр²⁰. Эти развернутые по меркам русской дипломатии того времени исторические претензии Романовых на древнерусскую отчину Рюриковичей прозвучали и в ходе самих переговоров, хотя и не так, как рассчитывали составлявшие наказ посольские дьяки.

Из-за острого конфликта дьяка В. Михайлова со своим старшим товарищем И. Сухотиным и помогавшим посланникам боярином В. Б. Шереметевым (находился в плену в Крыму с 1660 г.) (подробнее об этом см.: [Кочегаров 2019б]) официальный статейный список посольства составлен не был. Из позднейшего расследования видно, что Сухотин и Михайлов составили разные статейные списки; полный текст ни одного из них отыскать не удалось. Ход переговоров фрагментарно может быть реконструирован лишь на материале последующего расследования, которое проводил Посольский приказ в связи с непрофессиональными действиями второй миссии в Крым.

Согласно выпискам из статейного списка В. Михайлова, во время одной из встреч с крымскими представителями во главе с «ближним человеком» хана (видимо, речь о визире Ахмедеге) В. Б. Шереметев «поговоря с Ываном Сухотиным тайно, говорил ближним людем, что великому государю его царскому величеству то годно, чтоб салтан турской и хан крымской в Киев и в черкасы не вступались». Подьячий Леонтий Григоров, прибывший в Крым позднее Сухотина и Михайлова с новым вариантом тайного наказа и также присутствовавший на указанной встрече, частично опроверг это свидетельство, заявив, что совещание Сухотина и Шереметева вовсе не было тайным и он слышал их разговор. Одновременно Григоров утверждал, что Шереметев говорил «о Киеве и о черкасах так, как написано в наказе (курсив мой. – К. К.)»²¹.

Говорил ли Шереметев о Киеве и Малой России как об исконной царской отчине, до конца не ясно. В одной из своих отписок на царское имя (от 11 сентября 1680 г.) боярин лишь признавал, что дебаты об Украине и Киеве в ходе переговоров были весьма активными: «а что де о Киеве и о городах Малые Росии, и о козаках писал к тебе великому государю ханово величество и неодиново, и они, ближние люди, говорили и спорили много с посланники, чтоб ты, великий государь, уступил Киева и городов Малые Росии, и казаков ханову величеству»²². Есть, однако, прямые указания, что заявление об Украине и Киеве как исконной царской отчине сделал черниговский полковой писарь И. И. Скоропадский, прикомандированный гетманом Левобережной Украины И. Самойловичем к русскому посольству (приехал в ханство вместе с Григоровым).

Иван Скоропадский, присутствовавший на первом официальном «ответе» у крымцев Сухотина и Михайлова, весьма критически оценил дипломатические навыки русских посланников: «в тех де розговорех ничего не начинали так делать, как в государеве указе им написа-

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Д. 15. Л. 76, 82–83, 86–87, 170–171. Текст наказа, переписанный в посольскую книгу, см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Кн. 60. Л. 152, 156–157, 159–159 об., 166–166 об., 208–209. См. также позднейшую выписку из наказа: «Буде учнут говорить, чтоб великому государю в днепровских казаков не вступатца и войны за них не чинить, и Дорошенка отдать, и на том салтан в миру будет, и посланником в том отговариватца, что из древних лет Украина предков царского величества и об отдаче говорить их дело нестаточное, и приводить велено к миру прежнею дружбою и отдачею Азова» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 21. Л. 1. Статья 2).

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 6. Л. 3–4, 162.

²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 17. Л. 17. Отписку доставил толмач Иван Свиридов.

но». Тогда, «он де, Скоропадской, в том первом ответе, сколько мог и что ведал из государева указу, а паче о малороссийских делах, ханским ближним людям чинил ответ (курсив мой. – К. К.), и ближние де люди, ему, Скоропадскому, таков давали ответ, что ему, Скоропадскому, до того не належит и говорить они с ним не хотят»²³. Важно отметить, что В. Михайлов, против которого были направлены свидетельства черниговского полкового писаря, признал его участие в переговорах в ходе первого «ответа»²⁴.

Содержание речей Скоропадского известно нам в чуть более позднем изложении гетмана Ивана Самойловича, сделанном в ходе беседы с русским представителем М. Н. Головиным в июле 1680 г. Согласно ему, «на первом разговоре хановы ближние люди» говорили И. Сухотину и В. Михайлову, что русский царь, претендуя на Украину, «разграничение чинит не в своем царского величества государствовании, [но] во владении короля полского, добро б царское величество знал свой рубеж издавна, которой к Путивлю належит». Русские послы якобы крымцам «никакова ответу не учинили». Тогда слово и взял Скоропадский, заявивший, что «Украина Малыя Росии не изстари была ко отчизне королей полских, таж была саблею завоеванная, и изволением Божиим и то учинилось, что та Украина Малыя Росии от королевства полского саблею ж освободилась и учинилась в вечном подданстве у царского величества изстари належащей прародителской ево царского величества отчины града Киева». Рассердившийся «ближний человек» хана (визирь Ахмед-ага) схватил Скоропадского за полу кафтана «и велел ему молчать и речи говорить не велел»²⁵.

Безусловно, заявление Самойловича могло отражать в первую очередь собственные взгляды гетмана, свойственные и другим представителям казацкой верхушки, сочетавшие тезисы об исконности прав русских царей на Малую Россию, ее силовом освобождении от власти захватчика – польского короля и добровольном возвращении в царское подданство. Но вместе с тем вышеуказанные косвенные свидетельства (Шереметева и Михайлова) вполне подтверждают возможность того, что заявления Скоропадского перед крымцами действительно имели место.

В пользу того, что заявления об исторических правах русских царей на казацкие земли всей Украины, а также Киев действительно прозвучали в ходе переговоров (из уст И. И. Скоропадского, а возможно, также и В. Б. Шереметева), свидетельствует направленная царю Федору Алексеичу грамота хана Мурад-Гирея. Она была доставлена в Москву гонцом Халилом-агой (Халилом-аджой) 7 мая 1680 г. В ней вновь высказывалась нелицеприятная оценка в адрес днепровских казаков. Русскому самодержцу предлагалось отступить «от барабашских бунтовых казаков», потому что они «роду изменнического и ни нашему ханову величеству, ни вам добра от них никакое не достигнет, от вас они к нам поближе. И как бы они правды держались, верно служили, и они б служили нам». Более того, далее утверждалось, что казаки между «обоими государствами вменяючи лукавством своим и изменничеством обоим государствам, ссоры от тех барабашских бунтовщиков учинились, а как бы барабашских бунтовщиков меж обоими государствами не было, и мы б давно меж собой с вами вечным миром помирились»²⁶.

«Вы просили и в писме своем писали, что барабаши с вами единовольные христиане и от себя разнить их невозможно, – упрекал хан царя, – и то вы недобро здумали, а как бы вы бара-

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 6. Л. 30.

²⁴ Там же. Л. 51.

²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 183–184. См. также: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 533 об.–534 (текст статейного списка М. Н. Головина в посольской книге).

²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 46–47. Еще один список с перевода см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 440–445.

башских изменников не приняли, и мы б с вами, аже даст Бог, до скончания века помирились и никогда б меж нами вражды не было, только вы одноконно барабашей себе просите, а увидите, что и впредь разорение в обоих государствах от них, барабашей, будет». Припомнив русской стороне выдвигавшийся ею аргумент о единстве веры великороссов и малороссов, Мурад-Гирей напомнил Москве и о другом доводе, на этот раз исторического характера: «другое пишите про Киев, что из древних лет ваш, и польскому народу до того дела нет, и что де в том Киеве древние церкви ваши и почитаете вы его вместо Иеросалима»²⁷. Далее в ханской грамоте сохранились рассуждения о том, что границей между Османской империей и Россией должен быть Днепр («граница будет Днепр для того, что и преж сего искони век Днепр граница есть, и ныне та ж бы была граница, а дале Днепра ни единой ступени к себе не просить вам, для того, что киевская граница знатна»), а «два прошения» Москвы – об уступке Киева и «днепрских барабашей», то есть в данном случае левобережных казаков, – хан вполне может удовлетворить и будет убеждать в этом султана²⁸. В канцелярии Мурад-Гирея вряд ли обратились бы к идее древности и святости Киева для России, если бы она в той или иной форме не прозвучала в ходе переговоров. При этом стоит отметить, что ханская грамота совершенно не акцентировала внимания на том, кто конкретно сделал указанные заявления: московские представители или (что более вероятно) Скоропадский. Высказанные декларации однозначно расценивались Бахчисараем как позиция царского правительства.

Тема исторических прав Романовых на Киев и Украину обсуждалась и с доставившими грамоту крымскими гонцами. Об этом повествует составленная небрежным почерком «Записка, как гонцы были в Посольском приказе мая в 7 день и дожидались выходу» (царской аудиенции, состоявшейся в тот же день²⁹), содержащая расспросы ханских представителей «о делах». Среди прочего у Халила-аги поинтересовались о ходе переговоров с ханским двором Сухотина и Михайлова. Крымцы рассказали, что якобы Мурад-Гирей предлагал русским дипломатам уступить России Киев и «черкас по ту сторону Днепра» (то есть левобережных), однако они не приняли этих условий. Жалуясь на упрямство посланников, Халил-ага заявлял, что «надобна старая дружба и владеть тому так, как издавна бывало». Видимо, здесь прозвучали еще и слова крымского представителя о том, что Украина долгие годы была во владении Речи Посполитой. На это гонцу заявили, «что казаки бывали полские и ему сказано, что *изстари российских князей* (курсив мой. – К. К.), а не токмо вступатца в чужое, надобно было памятовать отдачу Азова»³⁰. То есть, апеллируя к старине и к древнерусскому наследству, Москва признавала исторические права Турции на Азов, уважая которые русское правительство якобы приняло решение вернуть его османам в 1642 г.

15 мая состоялись официальные переговоры главы Посольского приказа Лариона Иванова с Халилом-агой. В ходе них русская сторона, претендуя на земли до Днестра, вновь выдвигала аргументы религиозного и провиденциального характера, вспоминала о возвращении туркам Азова³¹, но не только. Когда крымцы озвучили позицию османской стороны, что граница должна проходить от Киева в 2 милях западнее, им вновь напомнили, что «Киев с прилежащими себе городами и месты, и с поселениям (так в рукописи. Видимо, должно быть «поселением», то есть расселением. – К. К.) христианства имелся границею даже до Днестра» (явный намек на границы владений древнерусских Рюриковичей). На замечание Халила-аги

²⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 49.

²⁸ Там же. Л. 50.

²⁹ Ее описание см.: Там же. Л. 40–44.

³⁰ Там же. Л. 57.

³¹ «Киев и вся Малая Росия до Днестра поселение христианское, напрасно того желать, что по воле Божии в державе великого государя его царского величества, а надобно было помнить, что в прошлых годах Азов и взят был у предков ево (султана. – К. К.), да для любви отдан» (Там же. Л. 75).

и его спутников, «что то было все полское», Л. Иванов отвечал: «Киев с приналежащими всеми городами и землями искони великих князей российских и киевских, предков его царского величества, и на некоторое время были и у полского короля, а потом ныне в державе великого государя, его царского величества»³².

В деле, касающемся подготовки к отправлению в Крым посольства В. М. Тяпкина и Н. М. Зотова, с которым в обратный путь отправились крымские гонцы во главе с Халилом-агой, отсутствует отпуск царской грамоты с ответом на цитировавшееся выше послание Мурад-Гирея³³. Не удалось обнаружить и отпусков царских грамот хану с рассуждениями об исторических правах России на Украину, в том числе о святости Киева, подобного второму Иерусалиму, за более ранний период, начиная с весны 1679 г. – момента начала русско-крымских переговоров о мире. Это дополнительно свидетельствует о том, что в ханской канцелярии посчитали необходимым ответить именно на заявления представителей русской делегации в Крыму, включая и Скоропадского, устные или письменные.

Завязавшийся спор исторического характера получил определенный политический резонанс, выйдя за рамки непубличных дипломатических контактов, либо, что тоже вероятно, отчасти отражал идеи, циркулировавшие в сознании правящих элит независимо от содержания русско-крымских переговоров. Об этом свидетельствует донесение Отто Эрнста фон Раппе, польского коменданта Белой Церкви, которая была в указанное время единственным форпостом Речи Посполитой на Правобережной Украине и поэтому являлась важным пунктом сбора разнообразной военно-политической информации в регионе через сеть купцов и шпионов, специально высылавшихся в соседние города, в том числе в Киев. 14 февраля 1681 г. в Белой Церкви были допрошены трое татар, посланных пашой эялета Силистра к левобережному гетману Ивану Самойловичу. Помимо условий русско-крымского Бахчисарайского мира, «ордынцы» сообщили, что паша якобы весной должен был идти с войсками под Киев. Чтобы воспрепятствовать этому, Россия в конце концов согласилась на заключение мира, добившись, чтобы бывшая столица Древней Руси осталась за ней. «A Kijów, który Moskwa za Grob Boży obserwuje, concigujaś, on ma przy nich zostawać» («А Киев, который москвиты отождествляют с Гробом Господним, соперничая [за него]³⁴, должен при них оставаться»), – сообщалось в донесении Раппе³⁵. То есть здесь мы видим прямую переключку со словами грамоты хана Мурад-Гирея о символической важности древнего Киева для России, сравниваемого со святыней Гроба Господня в Иерусалиме.

Позиция русской дипломатии касательно прав московских царей на наследие Древней Руси формировалась, как это уже было показано, при активном участии украинской стороны, фактически являясь общей идеологической платформой переговоров с Крымом и Портой. Сама идея преемственности Романовых по отношению к древнерусскому наследию Рюриковичей была достаточно хорошо разработана в киевской церковной публицистике и воспринята украинской политической верхушкой в 1660–1680-х гг. С оговоркой о добровольном возвращении части бывшей отчины Рюриковичей под скипетр династии Романовых. Эта идея активно презентовалась в контактах с Москвой как представителями киевского духовенства, так и казацкой элитой (см. подробнее: [Кочегаров 2019a]). То же можно сказать и о тесно связанной с древнерусским наследием идее Киева как древней святыни, подобной Иерусалиму. Функционирование этой идеологемы в украинском обществе XVII в. неоднократно рассматри-

³² Там же. Л. 78–79. См. также запись о переговорах 15 мая в посольской книге: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 453 об.–462.

³³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 12. Л. 1–195.

³⁴ Слов, взятых в квадратные скобки, в оригинале нет.

³⁵ Archiwum główne akt dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rękopis 1697. S. 1–2.

валось в историографии (см.: [Оглоблин, с. 157–158, 173; Яковенко, с. 324–330; Сас] и др.]). Впервые идея о «богоспасаемом» Киеве как о «втором русском Иерусалиме» прозвучала в декабре 1621 г., в окружном послании киевского митрополита Иова Борецкого [Яковенко, с. 297–298]. Впоследствии подобным образом Киев именовался в «Тератургиме» печерского монаха и публициста Афанасия Кальнофойского, изданной в 1638 г. [Плохий, с. 335].

Были и примеры попыток прямой трансляции киевским духовенством этой идеи русской политической верхушке. «Кому есть тайно, – говорил в сентябре 1654 г. представитель Богдана Хмельницкого, нежинский протопоп Максим Филимонович, на царской аудиенции, – в какой красоте за княжения великих князей русских, преславный град Киев бяше, по прямому мати градов, мати церквам, Божие жилище, вторый Иерусалим нарицовашесь, ныне же едва что остатки толикого прежняго благолепия осташа» [Акты, стб. 176].

Тезис этот циркулировал в среде казацкой элиты обеих берегов Днепра как раз в тот период, когда в Бахчисарае велись переговоры о мире. Гетман Иван Самойлович (в письме от марта 1680 г.), объясняя кошевому атаману Запорожской Сечи Ивану Серко, почему царские и гетманские войска сосредоточились в кампанию 1679 г. на обороне Киева, среди прочего отмечал, что сделано это было для того, чтобы «тое державы царского величества славное малороссийское место Киев, которое есть, ровний Иерусалиму, гнездом всего православия российский, и в котором угодникове Божие опочивают, мело свою охорону» [Величко, с. 491]. А в октябре 1680 г. в отписке из Константинополя русского дипломата подьячего Н. Кудрявцева сообщалось о получении при султанском дворе грамоты турецкого ставленника на Правобережье Ю. Хмельницкого, в которой говорилось «о славе града Киева и Печерского монастыря, что называют они (то есть Хмельницкий и украинские казаки. – К. К.) вторым Иерусалимом»³⁶.

Неудача посольства Сухотина и Михайлова и желание Москвы поскорее заключить мир привели, по всей видимости, к тому, что русская сторона решила снизить общий тон дипломатической дискуссии и отказаться от споров на тему исторических прав Романовых на Киев и земли Украины. И в наказе (в том числе в черновом варианте), и в статейном списке третьего посольства в Крым – В. М. Тяпкина и Н. М. Зотова, – которое и заключило Бахчисарайский мир в начале 1681 г., указанные сюжеты отсутствуют³⁷. Более того, сентенции наказа о Малой России как царской отчине теряли смысл на фоне готовности Москвы отказаться от ее значительной части и согласиться на границу по Днепру с включением лишь отдельных территорий на Правобережье.

* * *

Претензии Крыма, а позднее и Порты на казацкую Украину, обозначившиеся во второй половине 1650-х гг. и получившие некоторое развитие в 1660-х и 1670-х гг., подверглись осмыслению в московских дипломатических кругах, что вылилось в углубление и расширение историко-политической аргументации, когда от внеисторических аргументов и слабых попыток оттолкнуться от претензий на наследие поздних Рюриковичей в лице Ивана IV Грозного Посольский приказ перешел к более основательному, по меркам времени, обоснованию прав Романовых на земли днепровских казаков как части исконной царской отчины. Здесь посольские дьяки заимствовали уже готовые идеи московской идеологии XVI в., воспринятые киевским духовенством и поддержанные казацкой верхушкой. При этом тезис о праве Романовых как наследников Рюриковичей на свою отчину – ныне территорию Малой России, а некогда –

³⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 163 об.–164. Ср.: [Яфарова, с. 472].

³⁷ Наказы Тяпкину и Зотову см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 12. Л. 32–137 (черновики наказов); Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 615 об.–690 об.; Кн. 62. Л. 1–5, 6 об.–11 (копии в посольских книгах); их статейный список см.: [Мурзакевич].

часть Древней Руси переплетался с идеей об особой святости Киева для царской династии. В последнем случае определенный отзвук нашла даже известная со времен Древней Руси и ренессансированная киевским митрополитом Йовом Борецким идеология о Киеве как о русском Иерусалиме, православной святыне, подобной Гробу Господнему для всех христиан. Важно отметить при этом, что, несмотря на заметную роль украинской стороны в пропаганде указанных идей, в том числе как части русской внешнеполитической доктрины, и Крымское ханство, и отчасти польско-литовские политические круги (здесь важное значение имеет свидетельство коменданта Белой Церкви О. Э. фон Раппе) однозначно отождествляли их с интересами и политикой Московского государства. Вместе с тем концепция о праве царей на Киев и Украину как часть древнерусского наследия Рюриковичей, актуализировавшаяся в связи с упорной борьбой России за обладание землями всей Малой России, утратила свою актуальность после провала попыток русской дипломатии закрепить за собой территории Правобережья Днестра по Бахчисарайскому договору 1681 г., и поэтому надолго сошла с повестки дня.

Источники

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1889. Т. 14 (Дополнение к 3 тому). VI, 18 с., 902 стб., 40 с.
Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Киев, 1851. Т. 2. 612, XVII, III с.
Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. М., 1953. Т. 2: 1648–1651 годы / Сост. П. П. Гудзенко, М. К. Козырченко, А. П. Лола, И. Л. Бутич, М. Г. Репецкая. 560 с.; М., 1953. Т. 3: 1651–1654 годы / Сост. П. И. Павлюк, Д. И. Мышко, Е. С. Компан, А. А. Бевзо, Т. П. Яковлева. 646 с.
Мурзакевич Н. «Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова...» // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. 2. Отд. 2–3. С. 568–658.

Литература

Веселовский Н. И. Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 г. Одесса, 1912. 40 с.
Кочегаров К. А. Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты. Вторая половина XVII века // Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 207–249. [Кочегаров 2019а]
Кочегаров К. А. К истории русско-крымских мирных переговоров 1679–1680 гг. Неудачное посольство в Крым дьяка Василия Михайлова и дворянина Ивана Сухотина // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 640–646. [Кочегаров 2019б]
Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 13–115.
Оглоблин О. Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. 462 с.
Плохій С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005. 496 с.
Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. 272 с.
Сас П. «Єрусалимська» ідея 1620-х років Іова Борецького // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України, професора Валерія Смоля. Київ, 2010. С. 259–268.
Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 2. 174 с.
Усачев А. С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.
Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. 480 с.
Яковенко Н. Символ «Богохранимого града» у пам'ятках київського кола (1620–1640-ві роки) // Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 296–330.

Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние 1672–1681 годов. М., 2024. 583 с.

Wójcik Z. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660–1661 // *Przegląd historyczny*. 1954. № 4 (45). S. 609–634.

References

Florya, B. N. Rossiya i vostochnoslavyanskije zemli Pol'sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoi polovine XVII v. Politicheskie i kul'turnye svyazi. Moscow, 2019. 480 p. (In Russ.)

Kochegarov, K. A. Drevnerusskoe proshloe v politicheskikh kontseptsiyakh ukrainskoi elity. Vtoraya polovina XVII veka. In *Kochegarov, K. A. Ukraina i Rossiya vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiya, kul'tura. Ocherki*. Moscow, 2019. Pp. 207–249. (In Russ.)

Kochegarov, K. A. K istorii russko-krymskikh mirnykh peregovorov 1679–1680 gg. Neudachnoe posol'stvo v Krym d'yaka Vasiliya Mikhailova i dvoryanina Ivana Sukhotina. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Iss. 6. Pp. 640–646. (In Russ.)

Novosel'skii, A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami vo vtoroi polovine XVII veka. In *Novosel'skii, A. A. Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma. Nauchnoe nasledie*. Moscow, 1994. Pp. 13–115. (In Russ.)

Ogloblin, O. Get'man Ivan Mazepa ta iogo doba. New-York; Kiiv; Lviv; Paris; Toronto, 2001. 462 p. (In Ukr.)

Plokhii, S. Nalivaikova vira: Kozatstvo ta religiya v rann'omodernii Ukraini. Kiiv, 2005. 496 p. (In Ukr.)

Sanin, G. A. Otnosheniya Rossii i Ukrainy s Krymskim khanstvom v seredine XVII veka. Moscow, 1987. 272 p. (In Russ.)

Sas, P. "Erusalims'ka" ideya 1620-kh rokiv Iova Borets'kogo. In *Ukraina kriz' viki. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu akademika NAN Ukraini, profesora Valeriya Smoliya*. Kiiv, 2010. Pp. 259–268. (In Ukr.)

Smirnov, N. A. Rossiya i Turtsiya v XVI–XVII vv. Moscow, 1946. Vol. 2. 174 p. (In Russ.)

Usachev, A. S. "Tretii Rim" ili "Tretii Kiev"? (Moskovskoe tsarstvo XVI veka v vospriyatii sovremennikov). In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. No. 1. Pp. 69–87. (In Russ.)

Veselovskii, N. I. Neudavsheesya posol'stvo v Krym stol'nika Borisa Andreevicha Pazukhina v 1679 g. Odessa, 1912. 40 p. (In Russ.)

Wójcik, Z. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660–1661. In *Przegląd historyczny*. 1954. No. 4 (45). Pp. 609–634.

Yafarova, M. R. Russko-osmanskoe protivostoyanie 1672–1681 godov. Moscow, 2024. 583 p. (In Russ.)

Yakovenko, N. Simvol "Bogokhranimogo grada" u pam'yatkakh kiivs'kogo kola (1620–1640-vi roki). In *Yakovenko, N. Paralel'nii svit. Doslidzhennya z istorii uyavlen' ta idei v Ukraini XVI–XVII st.* Kiiv, 2002. Pp. 296–330. (In Ukr.)

Kirill A. Kochegarov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ROMANOV'S HISTORICAL CLAIMS TO THE OLD RUS' INHERITANCE AND THE RUSSIAN-CRIMEAN RELATIONS DURING THE STRUGGLE OVER UKRAINE IN THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY

In the second half of 1650s – the end of 1670s, in the negotiations with Crimea and the Sublime Porte the Russian diplomats sometimes stressed that Ukrainian lands with Kiev were the old tsars' domain. The emergence of this ideology during the official Russian-Crimean-Ottoman negotiations was closely connected with an idea of the Romanovs being the rightful heirs of the Rurikid dynasty, and appropriately of all West Russian lands, which in 17th century was shared not only by the Russian political elite, but by the Kievan clergy and later by Ukrainian hetmans.

Keywords: Russia, the Crimean Khanate, Russian-Crimean relations, Ukraine, the Old Rus

Л. Н. Аряев
Независимый исследователь, Германия. l.aryayev@yandex.ru
ORCID 0000-0002-8394-5856

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ «ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

В «Иоакимовской летописи» имеются фрагменты, позволяющие с высокой вероятностью считать ее произведением В. Н. Татищева: 1) нарочитая неосведомленность В. Н. Татищева об Анастасиевой (Фракийской) стене; 2) локализация хазар между Дунаем и Днепром; 3) название «горяне» по отношению к полянам.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, «Иоакимовская летопись», «История Российская»

«История Иоакима» («Иоакимовская летопись»), изложенная В. Н. Татищевым в 4-й главе 1-й части его «Истории Российской» [Татищев 2016–2018, т. 1, с. 132–148], издавна была предметом споров и противоречивых оценок. М. Н. Шербатов и А. Л. Шлецер категорически отказывали ей в достоверности, Н. М. Карамзин писал о «летописи Иоакима» как о «шутке» В. Н. Татищева [Шербатов, с. 11–27; Schlözer, S. 13, 301; Карамзин, с. XV]. С. М. Соловьев находил «остроумной и вероятной» версию о религиозной подоплеке борьбы Ярополка и Владимира Святославичей, представленную в «Истории Иоакима» [Соловьев, с. 166]. Е. Е. Голубинский настаивал, что «История Иоакима» является фальсификатом В. Н. Татищева [Голубинский]. Академик А. А. Шахматов находил в рассказе о крещении Новгорода «черты, избличающие современника» и включал «Иоакимовскую летопись» в свою реконструкцию раннего русского летописания [Шахматов, с. 183]. М. Горлин считал ее автором архимандрита Мельхиседека (Борщова) [Gorlin]. С. К. Шамбинаго рассматривал «Иоакимовскую летопись» как вариацию фантастических рассказов о начале Руси, популярных в XVII столетии, записанную, возможно, под редакцией новгородского митрополита (позднее московского патриарха) Иоакима [Шамбинаго, с. 269]. Согласно академику М. Н. Тихомирову, В. Н. Татищев предоставил правдивые сведения об «Иоакимовской летописи», которая, однако же, относится к памятникам позднего летописания конца XVII в. И потому не может служить источником сведений о Древней Руси [Тихомиров, с. 79–82]. В. М. Моргайло в своей статье показала значительную переработку В. Н. Татищевым первоначального текста главы об «Истории Иоакима», в том числе позднейшее внесение им известия о поджоге Добрыней Новгорода на полях рукописи [Моргайло]. Однако академик В. Л. Янин интерпретировал археологические данные о пожаре в Новгороде в 989 г. как подтверждение того, что «Иоакимовская летопись» опирается на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию [Янин, с. 56].

В начале текущего столетия скептическую позицию в отношении «Истории Иоакима» поддержал А. П. Толочко, настаивавший на авторстве В. Н. Татищева [Толочко, с. 196–245]. Его работа вызвала резкий отзыв С. Н. Азбелева, считавшего «Иоакимовскую летопись» отражением не дошедшего до нас древнейшего памятника новгородского летописания [Азбелев]. М. Б. Свердлов в своей обстоятельной работе о В. Н. Татищеве пришел к выводу, что «История Иоакима» была написана современником В. Н. Татищева, близким к нему по научным взглядам, интересам и кругу чтения, но не им самим [Свердлов, с. 76–93]. А. В. Горовенко посчитал методологически некорректной апелляцию к археологическим данным о пожаре в Новгороде в 989 г. для подтверждения отдельных фрагментов «Истории Иоакима», поскольку при таком